

шаманского фольклора, покровитель земли и животных: «цагаан овгон» — «белый старик»; «цагаан эм» — «белое лекарство» — аналогия «живой воды» русских сказок²⁶).

Во многих вышеприведенных примерах, как славянских, так и инонациональных, белый цвет, в сущности, не имеет прямого отношения к колористике как средству создания «окрашенного» описания. Он несет символическую функцию, уподобляется свету, эпитеты «белый» и «светлый» часто взаимозаменялись (в разных вариантах одной и той же былины можно встретить «светлое лицо» и «белое лицо»). Метафорическое противопоставление света и тьмы, являющееся общим местом в произведениях славянских литератур старшей поры, обусловило и символическое отношение к белому, а также черному цвету.²⁷ В. П. Адрианова-Перетц в «Очерках поэтического стиля древней Руси» (М.—Л., 1947) связывает эту параллель с христианством, приводя одновременно и устно-поэтические аналогии (напомню в этой связи ветхозаветный афоризм «свет праведным присно» — Притчи Соломона, XIII, 9). Это, разумеется, совершенно справедливо. Стоит только заметить, что само символическое противопоставление света и тьмы хорошо знакомо народам, не испытывавшим влияния иудаизма или христианства. Оно, по-видимому, изначально и возникло на самых ранних стадиях существования искусства и религий, поскольку и для первобытного человека восход солнца означал нечто радостное, в то время как наступление ночной тьмы представлялось злоецим и гибельным. Христианство и иудаизм в свою очередь основывались на этой древнейшей метафоре, восприняли, а не сконструировали ее.

Примеры на «белый» говорят еще об одном примечательном явлении, которое А. Н. Веселовский назвал «окаменением»: ²⁸ «белые руки» превратились в столь устойчивую фразеологическую единицу, что сербская песня употребляет ее, говоря о руках арапа. Аналогии известны и вне поля цвета (ср. выше «черное молоко» — кумыс). Заимствую их из А. Н. Веселовского: английское *my true love* появляется в фольклоре и тогда, когда речь идет о неверной любви; немецкая «окаменелость» *liebe lange Nacht* вкладывается в уста молодой жены, желающей, чтобы ночь прошла скорее, потому что ей опостылел старый муж. Примеры «окаменелостей» обычны.

Этот факт важен по следующей причине. Употребление цветовых характеристик не обязательно должно приводить к созданию окрашенной картины. Когда в «Слове о полку Игореве» говорится о черном вороне или о сером волке, то, видимо, было бы опрометчиво придавать цвету

²⁶ См.: В. Н. К л ю е в а. Прилагательные, обозначающие цвет, во фразеологических единицах. — Ученые записки 1 Москов. гос. инст. иностранных языков, т. X, М., 1956

²⁷ Это символическое противопоставление ясно из слов Даниила Заточника: «Кому Бело озеро, а мне чернее смоль». Интересно, что «черный» употреблялся не просто в переносном значении — «черный двор», «черные люди», «черная кручина», но мог также соотноситься с предметом белого цвета. Ср. в Ипатьевской летописи под 6758 г.: «Пьещи ли черное молоко, наше питье, кобылий кумуз». Здесь «черный», очевидно, синоним слова «поганный» в современном значении. Подробнее об этом явлении см. ниже в тексте. Впрочем, черный цвет мог выступать и в нейтральной, колористической в прямом смысле слова функции, и — реже — как олицетворение красоты в контрастном сопоставлении с белым («черные брови»): «Бе юноша возрастом велми леп паче меры . . . лице же его яко снег и румяно яко червец, брови же черны имеяше» («Девгениево деяние» — редкий пример «окрашенного портрета»; ср. сербскую Александрию в русской редакции XV в.: «очима зерк и сожмарлив»). В Хроникографе С. Кубасова говорится, что у Ксении Годуновой были «власы . . . черны велики». Но это уже поздний памятник.

²⁸ А. Н. Веселовский, Собр. соч., т. I, стр. 59 и сл.